

Возв. клуб. - 1997. - Битник - 44.

Исполнилось заветное желание Глинки

Композитор Владимир Мартынов. **Фестиваль "Альтернатива"**

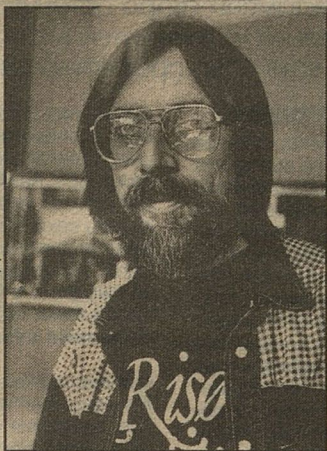

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА.

На нынешней "Альтернативе" музыка Владимира Мартынова звучала трижды. В финале концерта памяти Д. Покровского в ГДРЗ на Малой Никитской общий дух музыкальных поминок взорвался фрагментом "Русско-немецкого реквиема" Дмитрия Александровича Пригова и Владимира (так и хочется написать Ивановича) Мартынова — и словно сам бунтарь Покровский присоединился к приговскому ору-голошению, подхватываемому Ансамблем Д. Покровского. Наконец-то Дмитрий Александрович удостоился конгениального музыкального партнерства, а Мартынов нашел акына-современника, в некотором роде соединяющего традиции Велимира Хлебникова и Даниила Хармса.

Ода последнему пииту была воспета в Доме композиторов на авторском концерте Мартынова, носившем название "Предметы и фигуры, открытые Даниилом Хармсом". Сочинения 1996 — 1997 гг. (помимо композиции, одноименной концерту, где текст Хармса выпукло донес конкурент Пригова по части выразительнейшей дикции Марк Пекарский, — "Коан" для флейты соло, исполненный Олегом Худяковым, и "Народный танец" для фортепиано в интерпретации Алексея Любимова) здесь были дополнены скрипичной "Партитой" 1976 года в прочтении Татьяны Гринденко. Но — словно не было этих десятилетий! Нет, они были, конечно, и прошли для Мартынова весь-

ма плодотворно, но немногие из композиторов могут вот так блеснуть чистотой собственного стиля, узнаваемого моментально по некоему минималистскому знаку качества. Одна бесконечно повторяемая и варьируемая скрипичная фраза словно проясняет сознание, ее и только ее хочется слушать еще и еще раз.

И еще один авторский концерт — в Зале имени Чайковского, где "Passionlieder" для сопрано и камерного оркестра на стихи немецких поэтов (1977) встретились с хоровым "Апокалипсисом" (1991). Триумф большой формы и самых истоковых интерпретаторов музыки Мартынова — "Академии старинной музыки" Татьяны Гринденко и ансамбля "Сирин" Андрея Котова. Синтез различных традиций, питающих музыкальное мышление Мартынова, и одновременно некий суммирующий результат эволюции европейской музыки вообще — от нидерландской полифонии и византийских песнопений до домашних протестантских песен и наисовременнейшего минимализма. Впрочем, не европейской — а вообще музыки, какая же Византия — Европа, скажут знатоки. И будут правы, как правы будут и те, кто изумится тому, что в качестве кантуса фирмуса (основной мелодии, держащей хоровое здание "Апокалипсиса") Мартынов взял древнерусский знаменитый распев. Господи, неужели свершилось глинкинское заветное желание "породнить узами законного брака западноевропейскую фугу и русский напев"?! Да-да, и не просто свершилось. Владимир Мартынов, прошедший огонь академической консерватории, воду фольклорных экспедиций в российские певческие села и медные трубы любви к "Битлз" и вообще рок-музыке, бунтарь-электронщик, в 70-е поражавший Москву электронной музыкой и хэппенингами, ученый, изучивший технику древнерусского многоголосия и воссоздавший ее в собственной музыке, на исходе второго тысячелетия не зря подводит и собственные, и в некотором роде наши общие культурологические итоги. И не боится признаться в любви самой музыке и музыкальной красоте. За что ему большое спасибо.

Татьяна **ДИДЕНКО**.